

УДК 81'373:81'25

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ
НА АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ
В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

Ю. В. Явари

Тверской государственный технический университет, Тверь

При переводе реалий существуют две основные трудности: отсутствие в переводящем языке эквивалента и необходимость сохранить особый национальный и/или исторический колорит. Данная статья анализирует и сравнивает способы передачи реалий в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на английский и немецкий языки.

***Ключевые слова:** слова-реалии, национальный и/или исторический колорит, перевод реалий, способы передачи реалий, транслитерация, транскрипция, калька, описательный перевод, приблизительный перевод, контекстуальный перевод, родовидовая замена, функциональный аналог.*

Своеобразие национальных культур обуславливает и расхождения между языками, которые наиболее заметны в лексическом составе и фразеологии, поскольку номинативные языковые средства напрямую зависят от внеязыковой действительности. В любом языке и диалекте можно найти слова, которые не имеют однословного перевода в других языках. Как отмечает Г.Д. Томахин, при сопоставлении языков такие лексические единицы сравнительно легко распознаются, так как именно они нагляднее всего отражают специфику расчленения действительности данным языком и специфику культуры народа, говорящего на этом языке [3: 5].

Неотъемлемой частью лексического состава любого языка являются слова-реалии, лексические единицы, которые называют материальные предметы национального быта и культуры, а также явления и понятия духовной жизни одного народа, незнакомые представителям других народов, являющиеся средствами выражения национального или исторического своеобразия в художественном произведении.

Теоретики и практики перевода болгарские лингвисты С. И. Влахов и С. П. Флорин дают реалиям следующее определение: «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и экономического развития) одного народа и чуждые другому», и отмечают, что реалии не поддаются переводу на «общем основании», так как являясь носителями национального или исторического колорита, в других языках обычно не имеют эквивалентов [2: 49].

Говоря о реалиях, многие исследователи отмечают значительные трудности, связанные с переводом данных лексических единиц, а некоторые полагают, что реалии вообще не поддаются переводу.

Основными трудностями, с которыми сталкивается переводчик при передаче реалий на другой язык, являются отсутствие в переводящем языке (далее – ПЯ) соответствия подлежащей переводу реалии из-за того, что у носителей данного языка нет референта, т.е. объекта, обозначаемого этой реалией, и

потребность не только в передаче предметного значения реалии, но и в сохранении её национального и исторического колорита.

С. И. Влахов и С. П. Флорин, обобщая, сводят способы передачи реалий в переводе к двум основным: транскрипции и переводу (в широком смысле слова) [2: 83]. Учитывая различные виды перевода, можно отметить, что С. И. Влахов и С. П. Флорин предлагают следующие приёмы передачи реалий на ПЯ: транскрипция; транслитерация; калькирование; полукалька; освоение; создание семантического неологизма и различные виды перевода: уподобляющий перевод, описательный перевод, контекстуальный перевод; родовидовая замена; замена реалии ИЯ на реалию ПЯ [2: 89], в то время как В. С. Виноградов называет так же, как и болгарские лингвисты, транскрипцию и транслитерацию, гиперонимический перевод, уподобление, перифрастический перевод и калькирование в качестве способов перевода реалий [1: 118–120].

Роман «Евгений Онегин» [4], став «энциклопедией русской жизни» первой трети XIX века, фиксирует реалии эпохи. Автор точно и детально описывает быт и традиции дворянской жизни своего времени. Для более красочного изображения А.С. Пушкин употребляет в своём произведении огромное количество слов-реалий, в первую очередь, обозначающих предметы быта, а так же понятия и жизненные реалии того времени. Передача всех этих многочисленных реалий в переводе может вызвать значительные затруднения у переводчика в процессе работы с произведением и вместе с тем представлять интерес для исследователей в области лексикологии и переводоведения.

При переводе романа Джеймс Е. Фален [5], переводчик на английский язык, и группа переводчиков на немецкий язык (Тэодор Коммишау, Генри фон Гейзелер, Хуго Хупперт и Мартэн Рёмане [6]) для передачи реалий используют практически весь арсенал средств и приёмов. Так, для передачи бытовых реалий (названий предметов быта, одежды, блюд и напитков) в большинстве случаев используется одна из разновидностей перевода: описательный перевод, контекстуальный перевод, родовидовая замена и функциональный аналог, в то время как транскрипция и транслитерация крайне редки. Действительно, сегодня, когда в результате культурных, экономических и прочих контактов между странами огромное количество реалий одного языка проникли в другие языки, которыми были заимствованы и освоены, в результате чего вошли в качестве заимствованных слов в лексический состав принимающих языков, переводчикам не приходится при встрече с реалиями транскрибировать незнакомые лексические единицы, вводя их таким образом в текст перевода, а, возможно, в дальнейшем и в словарный состав переводящего языка. Переводчики просто используют когда-то заимствованные путем транскрипции и освоенные лексические единицы из арсенала лексических средств переводящего языка. Например, названия транспортных средств *кибитки* и *брички* [4: 101] передаются на английский язык как *kibitkas* и *britzkas*. При данном способе передачи, казалось бы, используется транскрипция, однако окончания множественного числа *-s* указывают на освоение данных лексических единиц английским языком, что подтверждает и электронный словарь *Abby Lingvo x5 Professional 20*, включающий данные лексические единицы в свой состав и дающий пояснения *a type of covered Russian sledge* и *an open carriage with a folding hood and space for people to recline* [7] соответственно. Этот факт даёт возможность говорить в

данном случае не о транскрипции, а о переводе с использованием лексических средств переводящего языка.

Русскую реалию *самовар* в сочетании «*зовут к самовару*» в переводе на немецкий язык передают лексической единицей из словарного состава переводящего языка *Samovar* [6: 41], когда-то заимствованной из русского языка при помощи транслитерации, о которой можно говорить, так как, согласно правилам чтения в немецком языке, это слово произносится как [zamowar], что отличается от русского произношения, чего не произошло бы в случае заимствования слова путем транскрибирования; на английский же язык словосочетание «*зовут к самовару*» передаётся описательно – *to take some tea*, вообще не упоминая самовар. [5: 40].

По оценке С. И. Влахова и С. П. Флорина, судя по собранному ими материалу, чаще других приёмов при работе с реалиями переводчики используют приблизительный перевод. Обычно этот приём помогает, хотя и не очень точно, передать предметное значение реалии, так как почти всегда «стирается» колорит из-за замены ожидаемого коннотативного эквивалента, которого, естественно и быть не может, стилистически нейтральным, т. е. лексической единицей с нулевой коннотацией [2: 86].

Одной из разновидностей приблизительного перевода является приём генерализации, при котором содержание реалии передаётся при помощи подстановки родового понятия вместо видового, т. е. единицей с более широким значением. Данный приём позволяет, не прибегая к транскрипции, осуществить замену понятий, различия между которыми в условиях данного текста представляется незначительной.

В.С. Виноградов называет этот приём «гиперонимическим переводом» [1: 119], а С. И. Влахов и С. П. Флорин – «принципом родовидовой замены» [2: 87]. Употребление этого приёма можно наблюдать в переводе романа «Евгений Онегин» на немецкий и английский языки, когда названия различных разновидностей саней: *дровни*, *сани*, *салазки* передаются соответственно словами *Schlitten* (нем.) и *sleighs* (англ.), обозначающими сани как родовое понятие. Название элемента одежды, а именно разновидности пояса *кушак* [4: 91], и на английский и на немецкий языки также передаётся при помощи родовидовой замены, при использовании родового понятия *пояс* – *Gurt* (нем.) [6: 101] и *sash* (англ.) [5: 109] соответственно.

Вариантом приблизительного перевода является использование функционального аналога [2: 88]. Этот путь перевода реалий позволяет один предмет или понятие, неизвестные читателю перевода, заменить другими, знакомыми, например, можно один предмет быта, заменить на другой, «нейтральный», не несущий национального колорита ПЯ, например один музыкальный инструмент заменить другим, лишь бы аналог на ПЯ действительно являлся функциональной заменой переводимой реалии. Так, при переводе «Евгения Онегина» на немецкий язык в строках:

«...давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я так на руки брала!
А я так пряником кормила!...» [4: 145]

переводчик заменил русскую реалию *пряник* на немецкое *Bonbons* [6: 164] – конфеты, что совсем не помешало восприятию текста читателем перевода, так как важен факт угощения, а чем – пряниками или конфетами – не имеет значения.

По своему принципу сходен с уподобляющим переводом приём контекстуального перевода. Этот приём может быть противопоставлен словарному переводу, так как при использовании этого приёма переводимое слово может передаваться соответствиями, отличающимися от приведённых в словаре. Этот способ представляет собой замену при переводе словарного соответствия контекстуальным, логически связанным с ним, так как основной ориентировкой для переводчика является контекст. Главный недостаток такого перевода заключается в полном исчезновении реалии как носителя определённого колорита. Нечто подобное можно увидеть и в переводе на немецкий язык строк романа «Евгений Онегин»:

*...Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед...*[4: 12]

При переводе этого отрывка переводчик опускает название марки часов, вводя в текст перевода *vom Turm* (с башни) [6: 15], т. е. время Онегин узнает по звону колокола на башне. В данных строках даже читатели оригинала не могли бы точно сказать, зачем автор вводит в текст этот *брегет*, если просто для указания того, что герой гуляет до обеда, то переводчик на немецкий, возможно, не так уж неправ, прибегая к такому способу перевода, хотя, опуская слово *брегет*, он теряет некоторые оттенки характеристики героя как франта и денди, обладателя шикарных и модных часов. С этой точки зрения, вполне оправданы действия переводчика на английский, который оставляет в переводе название марки часов *Brequet* [5: 10] и даёт пояснение: *an elegant pocket watch*.

Интересным с точки зрения передачи на другой язык может показаться перевод названия напитка *брусничная вода* [4: 51]. Характер данного напитка не вполне понятен даже читателям оригинала. Пути, которыми пошли переводчики на английский и немецкий языки, схожи, в том, что понятный элемент названия – *брусничная* и тот и другие переводят как *lingonberry* и *Preiselbeere* соответственно, а вот при характеристике напитка переводчики на немецкий используют слово *Wein* (вино) [6: 57], а переводчик на английский прибегает к приёму родовидовой замены, вводя в текст перевода *drink* и *brew* (напиток) [5: 58]. Оба эти приёма не затрудняют восприятие текста читателями перевода, поскольку характер напитка (сок, вино или компот) не представляет особой ценности для понимания текста.

Переводчик должен не только в достаточной степени владеть обоими языками, теми, с которого выполняется перевод, и на который выполняется перевод, но и ориентироваться в обычаях и традициях народа, носителя ИЯ. Так, словосочетание *забрить в солдаты* касательно российской действительности XIX века означает 'отправить крестьянина на военную службу', что и должно быть отражено в переводе. Словосочетание *брила лбы* в отношении матери Татьяны Лариной в переводе на немецкий передается буквальным пе-

реводом *schor Köpfe* [6: 51] без каких-либо пояснений об обычае брить лбы у крестьян перед отправкой в солдаты; переводчик на английский тоже переводит глагол *брить*, но добавляет к нему слово *shirker* (*человек, увиливающий, уклоняющийся от работы, обязанностей*) [5: 50] и приводит пояснение в комментариях в конце книги: *Serfs who were chosen by their owners for army service had their forelocks shaved for easy recognition*, таким образом и знакомя читателей с обычаем «забривать в солдаты» крепостных и донося до них его оригинальное название, чего не происходит при переводе на немецкий из-за отсутствия пояснений, без которых у читателей перевода может сложиться ложное представление о том, что барыня лично заботилась о причёсках своих крестьян. В данном случае переводчикам следовало бы отказаться от передачи названия традиции и обратиться к описательному переводу (отправить в солдаты / на военную службу) – *in die Soldaten, zur Soldatendienst schicken*.

Одной из отличительных черт стиля А.С. Пушкина является любовь автора к различным аллюзиям и намёкам, а также к упоминанию в произведениях своих знакомых и друзей. Все эти аллюзии и упоминания, возможно, понятны соотечественникам и современникам поэта, однако перед переводчиками встаёт непростая задача – не только донести до читателей перевода смысл произведения, но и передать особенности авторского стиля, а значит, и сохранить в переводе все эти многочисленные упоминания, аллюзии и намёки «Евгений Онегин» изобилует различными намёками и аллюзиями на произведения как других авторов, так и самого Пушкина. Так, в первых строки первой главы романа «Мой дядя самых честных правил» [4: 6] присутствует явная аллюзия на басню И. А. Крылова «Осел и крестьянин» («Осел был самых честных правил»), что сегодня не является очевидным даже читателям подлинника. В переводе на немецкий язык остается только дядя, поступающий хорошо и правильно (*Mein Onkel handelt gut und richtig*) [6: 9], просто характеристика дяди как честного человека, без каких-либо намёков на произведение И.А. Крылова, а в английском переводе фраза *самых честных правил* воспроизводится дословно – *man of firm convictions* [5: 5] и сопровождается комментарием «*The novel's opening words mimic a line from fable "The Ass and the Peasant" by Ivan Krylov – An ass of most sincere convictions*», раскрывающим для читателей перевода аллюзию на строки И.А. Крылова, которая даже при дословном переводе без данного комментария осталась бы неизвестной для читателей перевода.

А.С. Пушкин, обращаясь к своим читателям, называет их «друзьями Людмилы и Руслана» [4: 6], намекая на своё другое произведение. Это обращение, возможно, посчитав намёк более узнаваемым, сохраняют в переводе оба переводчика: нем. – *Euch, die ihr Ruslan und Ludmilen so warm empfängt* (вы, кто так тепло принимает Людмилу и Руслана); англ. – *Ludmila's and Ruslan's adherents* (сторонники, поборники) [5: 5]. При этом переводчик на английский сопровождает свой, очень близкий оригиналу перевод комментарием: *The allusion here is to Pushkin's first major work, the mock epic Ruslan and Ludmila*. Из данных примеров видно, что переводчики на английский и немецкий языки идут разными путями при передаче этой и других аллюзий: переводчик на немецкий, возможно, не распознавая в тексте такие намёки или считая, вслед за Иржи Левым, сноски непригодным средством, либо совсем не упоминает данные элементы в переводе, либо оставляет их без пояснения, из-за чего читатели

немецкого перевода остаются обделёнными некоторой информацией, доступной читателям английского перевода, автор которого не пренебрегает сносками и с их помощью доносит до своих читателей информацию в более полном объёме.

Например, А.С. Пушкин упоминает П. Каверина, ожидающего Онегина в модном ресторане [4: 13]. Этим автор не только отдаёт дань уважения своему другу, но и характеризует главного героя как светского человека. В переводе на английский присутствует и фамилия приятеля А.С. Пушкина [5: 11], и пояснение в комментариях – *Pyotr Kaverin was a hussar, man about town, and friend of Pushkin*, в немецком же переводе персоналию заменяет слово *Tafelrunde* (компания, сидящая за столом) [6: 15], однако в комментариях переводчики отмечают: *Im Original: erwartet ihn Kawerin* и дают вполне исчерпывающую историческую справку: *Der Husarenoffizier Pjotr Pawlowitsch Kawerin (1794 bis 1855) gehörte in den Petersburger Jahren (1817 – 1820) zum intimen Freundekreis des Dichters, lernte ihn 1816 in Zarskoje Selo kennen, wo Kawerins Regiment stand, und widmete ihm einige launige Gedichte* (гусарский офицер Пётр Павлович Каверин (1794 – 1855) принадлежал в годы в Санкт-Петербурге (1817 – 1820) к ближнему кругу друзей поэта, познакомился с ним в 1816 году в Царском Селе, где стоял полк Каверина, посвятил ему несколько шуточных стихотворений).

А.С. Пушкин неоднократно на протяжении всего романа сравнивает Татьяну с героиней баллады В.А. Жуковского Светланой. В одном случае переводчик на немецкий никак не упоминает героиню баллады, а во втором просто транслитерирует имя – *Swetlana*, оставляя его без комментариев, а переводчик на английский даёт в сноске пояснение: *The reference to the heroine of a ballad by Vasily Zhukovsky, a talented poet and friend of Pushkin*, не только поясняя читателям, что Светлана – героиня произведения В.А. Жуковского, но и давая краткую информацию об авторе баллады: *a talented poet and friend of Pushkin*.

По оценке С.И. Влахова и С.П. Флорина, ситуативные реалии, к которым можно отнести различные намёки и аллюзии, в отличие от лексических, несмотря на ярко выраженный национальный и исторический колорит, сравнительно легче подвергаются переводу из-за того, что их передача не связана с необходимостью сохранения определённой формы. Однако существуют две трудности, которые предстоит преодолеть переводчику при работе с ситуативными реалиями: их распознавание и в умение найти наиболее лаконичную форму для объяснения или намёка на сущность описываемого явления [2: 164].

Рассмотренные примеры подтверждают справедливость выводов С.И. Влахова и С.П. Флорина о частотности употребления различных способов при переводе реалий [2: 86]. Действительно, при переводе романа «Евгений Онегин» на английский и немецкий языки наиболее часто переводчики используют различные разновидности приблизительного перевода: описательный перевод, принцип родовидовой замены, функциональный аналог и контекстуальный перевод, в то время как транскрипция и транслитерация встречаются лишь при переводе реалий с помощью лексических единиц из лексического состава ПЯ, заимствованных путем транскрибирования (нем. *Kvaß, Kibitka*, англ. *kvas, kibitka*) или транслитерирования (нем. *Samovar*) и освоенных ПЯ.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 5-е изд. М.: КДУУ, 2009. 238 с.
2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе 4-е изд., М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
3. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. М.: «Высшая школа», 1988. 239 с.
4. Пушкин А.С. Евгений Онегин. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2003. 240 с.
5. Pushkin A. Eugene Onegin / Пер: James Falen. Oxford NY. Oxford University Press. 1998.
6. Puschkin A. Eugen Onegin / Пер: Theodor Commichau, Henry von Heiseler, Hugo Huppert, Martin Renalè. Aufbau-Verlag, 1970. 2 Auflage 1971.
7. Электронный словарь Abby Lingvo x5 Professional 20

**ON TRANSLATION OF REALIA IN A.S. PUSHKIN'S NOVEL
«EUGENE ONEGIN» INTO ENGLISH AND GERMAN**

Y. V. Yavari

Tver State technical University, Tver

There are two main difficulties in translating the realia: the absence of the equivalent in the target language and the necessity to preserve the specific national and/or historical colour. This article analyses and compares the means of the realia translation into English and German in the A. Pushkin's novel «Eugen Onegin».

Keywords: *realia-words, translation of realia, national and/or historical colour, means of the realia translation, transcription, transliteration, calque, descriptive translation, approximate translation, context translation, generalization, functional analogue.*

Об авторе:

ЯВАРИ Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Тверского государственного технического университета, e-mail: juliavy@yandex.ru